

высокоиндустриальных и инновационных, в том числе имеют существенно более высокую, чем в среднем по стране долю промышленности в структуре материального производства.

Ряд традиционных районов легкой промышленности оказались привлекательными для частного капитала по ряду причин.

Во-первых, благодаря наличию в них сравнительно дешевой рабочей силы, имеющей традиции и навыки промышленного труда. Важно отметить, что большое распространение здесь имела частичная занятость на производстве при сохранении земельных наделов, а среди работающих высока доля женщин, занятых неполный рабочий день. В Великобритании и ФРГ в начале 90-х гг. XX в. до 25% всех работающих в текстильной промышленности были заняты неполный рабочий день.

Во-вторых, привлекательной оказалась возможность использовать уже сложившуюся систему расселения без коренной ломки традиционных социально-экономических структур. Эти районы являются преимущественно с распространением малых и средних городов, главные центры, как правило, доминируют в них не столь резко, как в центральных районах, более характерным является наличие городов с населением 100-200 тыс. чел. В отличие от угольно-металлургических районов плотность населения в них невысока и отсутствует «скученность» населенных пунктов. В малые и средние города таких районов начали все более активно перемещаться не только предприятия трудоемких отраслей промышленности, но и непромышленные подразделения ряда фирм – научно-исследовательские службы, вычислительные центры, лаборатории и даже штаб-квартиры ТНК.

В-третьих, важным фактором развития этих старопромышленных районов является наличие здесь сложившейся на протяжении многих веков сети дорог производственной инфраструктуры и возможность использовать имеющиеся помещения бывших текстильных предприятий.

В результате некоторые из бывших «текстильных» районов оказались на рубеже XX – XXI вв. в числе наиболее динамично развивающихся территорий Европейского континента, к числу которых следует отнести – Южный Вюртемберг (ФРГ), Эльзас и отчасти Лионский район (Франция), Фландрия (Бельгия).

Таким образом, трансформация старопромышленных регионов Зарубежной Европы и США приобрела необратимый характер, однако стратегический вектор диверсификации и системно-структурной трансформации оказались не тождественными в отношении регионов разного генезиса и таксономического ранга.

А.В. Сушков
Екатеринбург

МАЙ 1937: ТРАГЕДИЯ СЕКРЕТАРЯ СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА

Прокатившаяся по стране в 1937 г. волна репрессий практически полностью смела партийно-государственное руководство Свердловской области. В числе первых из руководителей области был репрессирован председатель Свердловского облисполкома В.Ф. Головин: 9 января 1937 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) он был снят с должности, 23 января арестован органами НКВД по обвинению в участии в «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации», а спустя ровно два месяца со дня ареста был осужден к высшей мере наказания и на следующий день расстрелян.⁷⁴⁶

⁷⁴⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 983. Л. 23; Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 20017. Т. 1. Л. 156, 157; Д. 20512. Л. 4, 158.

Постепенно репрессии охватили и руководящее звено партийного аппарата. В частности, в середине февраля 1937 г. был арестован первый секретарь Нижне-Тагильского горкома ВКП(б) Ш.С. Окуджава, в начале мая – первый секретарь Пермского горкома ВКП(б) А.Я. Гольшев, в середине мая – второй секретарь Свердловского горкома ВКП(б) М.В. Кузнецов⁷⁴⁷, причём двое последних являлись членами бюро Свердловского обкома ВКП(б). Наконец, органами НКВД были собраны достаточные материалы для нанесения удара по руководителю области – первому секретарю Свердловских обкома и горкома ВКП(б), члену ЦК ВКП(б) И.Д. Кабакову.

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 мая 1937 г. пленуму ЦК партии «было предложено» исключить И.Д. Кабакова из состава ЦК и из членов партии в связи с имевшимися материалами о его «принадлежности к контрреволюционному центру правых», «с передачей его дела в Наркомвнудел».⁷⁴⁸

Опросом членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), проведенным в течение 17–19 мая 1937 г., предложение Политбюро ЦК партии было утверждено⁷⁴⁹, а в Свердловск для информирования партийно-государственного аппарата о принятом решении и для представления нового руководителя области – А.Я. Столяра, выехал член Политбюро, Секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев.

На открывшемся 22 мая 1937 г. XV внеочередном пленуме Свердловского обкома ВКП(б) действовавшее руководство обкома партии во главе с И.Д. Кабаковым было подвергнуто огульной критике. В первую очередь она была направлена на уже арестованных руководителей, однако тучи сгустились и над остальными членами областного руководства, в том числе вторым секретарем Свердловского обкома ВКП(б) К.Ф. Пшеницыным.

Константин Федорович Пшеницын к своим 45-ти годам имел за плечами большой опыт руководящей партийной работы не только на региональном уровне, но и в аппарате ЦК ВКП(б). После XVII съезда партии основным местом работы Пшеницына становится должность члена Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), а в 1935 г. без освобождения от этих обязанностей он был утвержден вторым секретарем Свердловского обкома партии.⁷⁵⁰

Взяв слово в прениях по докладу А.А. Андреева, К.Ф. Пшеницын сразу же решительно отмежевался от И.Д. Кабакова, назвав его величайшим двурушником, предателем, врагом народа и контрреволюционером, раскаялся, что не противостоял его «антипартийным» действиям, и признал своей политической ошибкой, что не принял «всех необходимых мер для того, чтобы по-большевистски выкорчевать оставшиеся еще не выкорчеванные вредительские силы правых и троцкистов».⁷⁵¹

Призвав к большевистской бдительности и настойчивому разоблачению «троцкистских и правых элементов», к проведению тщательной проверки кадров, К.Ф. Пшеницын не ограничился общими фразами и назвал несколько конкретных фамилий руководящих работников из числа еще «не разоблаченных» «врагов народа», а именно управляющего трестом «Востокосталь» К.Г. Седашева, управляющего трестом «Ураллестяж» П.М. Черноусова, заведующего Свердловским областным отделом народного образования И.А. Переля, заместителя председателя Свердловского облисполкома И.Л. Хороша: все они в течение последующих нескольких дней будут арестованы и впоследствии расстреляны.⁷⁵²

⁷⁴⁷ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20026. Л. 6об.; Д. 29584. Т. 1. Л. 78, 78об., 79; Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. Часть третья. Т. 1. Пермь, 2003. С. 535.

⁷⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 62.

⁷⁴⁹ Там же. Оп. 2. Д. 614. Л. 3.

⁷⁵⁰ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 24. Д. 1888. Л. 2, 6–8.

⁷⁵¹ Там же. Оп. 15. Д. 26. Л. 6, 13, 16.

⁷⁵² Там же. Л. 15–16; Оп. 63. Д. 2030 Л. 13; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 30844. Т. 1. Л. 6; Д. 22861, 22713.

Тем не менее, нечеткие, путаные формулировки, сбивчивая речь свидетельствовали о плохо скрываемом волнении выступавшего. К тому времени ЦК партии уже располагал выбитыми органами НКВД показаниями об участии Пшеницына в «троцкистской контрреволюционной организации» в период его работы секретарем Приморского обкома ВКП(б) в 1933–1934 гг.⁷⁵³ Но об этом К.Ф. Пшеницын, скорее всего, не догадывался, однако вполне мог предположить, что ему грозят, по крайней мере, обвинения в «политической близорукости». Полученная телеграмма с вызовом в Москву для решения вопроса о его дальнейшей работе также свидетельствовала о фактически уже состоявшемся его смещении с поста второго секретаря обкома партии.⁷⁵⁴

Желающих выступить на пленуме обкома и вылить свой ушат грязи на И.Д. Кабакова, перед которым еще недавно заискивали, оказалось немало, и потому работа пленума была продлена на следующий день – 23 мая. Принимать участие во втором дне работы пленума К.Ф. Пшеницын не предполагал, т.к. на утро 23 мая запланировал свой выезд в Москву.⁷⁵⁵

Заседание пленума обкома партии только усилило тревожное состояние Пшеницына, и до этого терзавшего себя вопросом: как он не увидел «врагов народа» рядом с собой – в Кабакове и других руководителей⁷⁵⁶? Проведя бессонную ночь, постоянно обдумывая сложившуюся ситуацию и возможные для себя последствия, Пшеницын уже под утро принял решение покончить жизнь самоубийством, предварительно оставив записку. Свое последнее обращение он адресовал XV пленуму Свердловского обкома ВКП(б), и начал словами: «Я не враг народа».

В оставленной записке Пшеницын клялся, что был и оставался до последних минут своей жизни большевиком, «ленинцем-сталинцем», и всегда боролся против троцкистов и «правых». Обвиняя себя в политической слепоте и ротозействе, он пояснял, что видел в арестованном Кабакове «бюрократу, самодура, зажимщика самокритики, зазнайки «местного вождя», питающегося подхалимством и угодничеством», но вместе с тем «проглядел» в нем, а также в арестованном бывшем втором секретаре Свердловского горкома ВКП(б) М.В. Кузнецове двурушничество, «их лицо вредителей, диверсантов, провокаторов», чем не оправдал звание члена Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и признал, что ему после этого «нет места в партии». Пожелав «быстрейшей ликвидации последствий кабаковского вредительства», Пшеницын заключил: «Ухожу с мыслью о любви и беззаветной преданности нашему Великому родному Сталину».⁷⁵⁷

Последнюю точку в записке К.Ф. Пшеницын поставил в пять часов пятьдесят минут утра, после чего выстрелил себе в голову.⁷⁵⁸

Случай самоубийства среди руководящих работников области в том году был уже не первым: в апреле таким же способом покончил с жизнью бывший заведующий отделом пропаганды и агитации Свердловского обкома ВКП(б), член бюро обкома партии Н.А. Узюков – орденоседец, делегат нескольких партийных съездов, в прошлом работавший во главе ряда регионов страны и даже некоторое время возглавлявший сектор ЦК ВКП(б).⁷⁵⁹ Однако Узюков, в отличие от К.Ф. Пшеницына, на момент самоубийства был уже лишен всех руководящих должностей, а потому смерть действовавшего второго секретаря обкома партии и к тому же члена Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) не могла остаться незамеченной.

В продолжившихся утром 23 мая прениях по докладу А.А. Андреева уже прозвучали три выступления, когда слово взял утвержденный накануне исполняющим обязанности

⁷⁵³ ЦДОСС. Ф. 4. Оп. 15. Д. 26. Л. 59–60.

⁷⁵⁴ Там же; Оп. 63. Д. 2215. Л. 11.

⁷⁵⁵ Там же. Оп. 15. Д. 26. Л. 59.

⁷⁵⁶ Своими размышлениями К.Ф. Пшеницын делился со своей сестрой, что следует из письма последней на имя Н.С. Хрущева. См.: ЦДОСС. Ф. 4. Оп. 63. Д. 2215. Л. 10–11.

⁷⁵⁷ ЦДОСС. Ф. 4. Оп. 24. Д. 1888. Л. 15–20.

⁷⁵⁸ Там же. Л. 20; Оп. 15. Д. 26. Л. 59; Оп. 63. Д. 2215. Л. 10.

⁷⁵⁹ Там же. Оп. 24. Д. 2342. Л. 2, 3, 17, 18.

первого секретаря Свердловского обкома ВКП(б) А.Я. Столяр. Новый глава области сообщил присутствовавшим о самоубийстве Пшеницына, назвав его поступок «возмутительной демонстрацией», желанием уйти от ответственности и сделал вывод, «что совесть человека была не чиста, что человек имеет за собой тяжкую вину перед партией».

Явно неудовольствованный кратким сообщением А.Я. Столяра, А.А. Андреев прокомментировал самоубийство Пшеницына уже в более резких тонах, констатируя, что тем самым Пшеницын подтвердил свое участие в «троцкистской контрреволюционной организации» на Дальнем Востоке и «доказал этим выстрелом, что он заодно с Кабаковым работал, боялся предстать перед следственными органами разоблаченным врагом советской власти».⁷⁶⁰ При этом предсмертное обращение К.Ф. Пшеницына к пленуму обкома партии обнародовано не было.

После озвученных новым главой области и членом высшего руководства страны оценок аналогичные суждения о К.Ф. Пшеницыне стали высказывать остальные члены пленума: его фамилия в сопровождении соответствующих эпитетов встала в один ряд с уже арестованными руководителями. Особенно резко высказался заведующий сельскохозяйственным отделом обкома партии Г.Ф. Боровских, вскоре также арестованный как «враг народа» и расстрелянный: «И в свете роли Пшеницына, о которой рассказал товарищ Андреев, о его связи в прошлом с троцкистами, роль его была самая подлая, двурушническая. Вы возьмите на бюро, на любом совещании при обсуждении повестки дня – все время поддакивание: «Правильно, Иван Дмитриевич. Правильно, Иван Дмитриевич. Правильно, Иван Дмитриевич». Роль его была предательская. Вместо того чтобы как второму секретарю возглавить, начать организовывать ядро среди заведующих отделами, направить их на разворот критики и самокритики, он по существу проводил политику контрреволюционера Кабакова».⁷⁶¹

В принятой в тот же день резолюции пленума обкома партии К.Ф. Пшеницын упоминался наряду с И.Д. Кабаковым как член «банды правых и троцкистских диверсантов».⁷⁶²

В Свердловске К.Ф. Пшеницын проживал в так называемом «доме правительства», где квартиры имели только руководящие работники области. Своей семье у него не было, а вместе с ним жили его сестра – Ф.Ф. Пшеницына, работавшая директором средней школы № 162 г. Свердловска, и ее сын. После того, как тело Пшеницына из квартиры было вывезено, больше своего брата Ф.Ф. Пшеницына не видела – разрешения его похоронить она так и не получила, а сама была уволена с работы, исключена из партии, лишена имевшегося имущества, богатой библиотеки, и вместе с сыном была выселена в барак. Еще когда А.А. Андреев находился в Свердловске она безуспешно пыталась пробиться к нему на прием, позднее ему же написала письмо, и, не получив ответа, написала уже в ЦК партии на имя Сталина, но также безрезультатно. В конце концов, заболев вследствие пережитых нервных потрясений, Пшеницына была вынуждена покинуть Свердловск и переехать в Татарию, где после продолжительного лечения работала в системе народного образования, позже была восстановлена в партии.⁷⁶³

Вновь обратиться в высшие органы власти она решилась лишь двадцать лет спустя, когда в стране полным ходом шел процесс реабилитации региональных руководителей, осужденных по политическим статьям. Узнав о реабилитации И.Д. Кабакова и других членов руководства области, Ф.Ф. Пшеницына в середине 1958 г. направила на имя Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева письмо с описанием драматических событий и тяжелой психологической обстановки,

⁷⁶⁰ Там же. Оп. 15. Д. 26. Л. 59–60.

⁷⁶¹ Там же. Л. 153–154; Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Т. 1. Екатеринбург, 1999. С. 288.

⁷⁶² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 15. Д. 25. Л. 4.

⁷⁶³ Там же. Оп. 63. Д. 2215. Л. 9–10.

которые предшествовали самоубийству ее брата, и того, что ей впоследствии вместе с сыном пришлось пережить. В своем письме она обращалась с просьбой дать указания разобраться в событиях мая 1937 г. и реабилитировать ее брата, «отдав ему должное по его заслугам перед партией и народом».⁷⁶⁴

Письмо Ф.Ф. Пшеницыной поступило в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС и было перенаправлено на рассмотрение Свердловскому обкому КПСС – по месту последней работы К.Ф. Пшеницына и возможного наложения на него партийных взысканий. Партийная комиссия при Свердловском обкоме КПСС, которая должна была дать свое заключение, направила запрос в партийный архив области на предмет исключения из партии К.Ф. Пшеницына. Однако произведенный работниками партархива просмотр протоколов заседаний бюро Свердловского обкома ВКП(б) за май и июнь 1937 г., а также протоколов заседаний бюро Ленинского райкома ВКП(б) г. Свердловска и бюро Свердловского горкома ВКП(б) за весь 1937 г. положительного результата не дал. Тем не менее, бюро Свердловского обкома КПСС на своем заседании 12 августа 1958 г. сочло возможным принять специальное постановление о посмертной реабилитации К.Ф. Пшеницына в партийном отношении.⁷⁶⁵

А.В. Сушков, Г.Н. Шумкин
Екатеринбург

РАЗВИТИЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ВЫСОКОГОРСКОГО МЕХАНИЧЕСКОГО ЗАВОДА (1916 – 1990-е гг.)

Металлургическое производство технологически тесно связано с другими отраслями тяжелой промышленности и народно-хозяйственного комплекса в целом. Поэтому состояние металлургии может (по крайней мере, на стадии индустриальной модернизации) достаточно точно отражать состояние всей экономики страны и региона. Особенно заметно влияние металлургии в экономике Урала.

В данной работе прослеживается развитие металлургической составляющей Высокогорского механического завода, являвшегося в XX в. одним из крупнейших снарядных и машиностроительных предприятий страны.

Строительство завода началось в разгар Первой мировой войны – 30 ноября 1915 г. в поселке Нижне-Тагильского завода Верхотурского уезда Пермской губернии наследниками П.П. Демидова, с которыми Главное артиллерийское управление военного министерства заключило договор о поставке 200 тыс. 6-двоймовых фугасных бомб для полевой артиллерии.

Причиной строительства завода послужил «снарядный голод», возникший на фронте в 1915 г. из-за недостаточной производительности имевшихся на тот момент оборонных предприятий России. Завод, получивший наименование «Высокогорский механический завод наследников П.П. Демидова князя Сан-Донато», был оснащен новейшим по тому времени станочным и поковочным оборудованием отечественного и иностранного производства.

Металлургическое производство завода в то время состояло из кузнечно-прессового и термического цехов, их оборудование составляли более десятка печей для нагрева штамповки заготовок снарядов, семь горизонтальных и вертикальных гидравлических прессов фирмы «Морган», 3 закально-отпускных агрегата конструкции Грум-Гржимайло для закалки и отпуска деталей снарядов. Ежемесячная расчетная производительность завода составляла 40 тыс. снарядов. Свою первую продукцию завод выдал 1 августа 1916

⁷⁶⁴ Там же. Л. 9–11об.

⁷⁶⁵ Там же. Л. 3, 6, 8; Оп. 58. Д. 52. Л. 42.